

о телесном благополучии и утилитарных, обыденных предметах). Легко заметны и более общие комплексы, вплоть до предельно общих: добро, истина, красота – «высокое»; зло, ложь, безобразное – «низкое».

Каждая оппозиция обозначена полюсами, между которыми разворачивается иерархизированное ценностное пространство. Это градуированное ценностное поле способно вместить в себя весь мир: социальный и природный, космический и земной, знаковый и вещный, материальный и идеальный. Ценностное сознание выстраивает пирамиды и лестницы властных структур, форм человеческой деятельности, профессиональных занятий, жанров литературы, потребностей людей, природных существ и горных минералов, звезд и других космических тел и т. д. Оно «вертикально» по своему мышлению, оно структурирует мир иерархически, направляя свой взгляд снизу вверх, как пушкинский Сальери, горестно констатирующий:

Все говорят: нет правды на земле.
Но правды нет – и выше.

Ценностное сознание ранжирует все явления окружающего мира: на этом строится стратегия и тактика человеческих предпочтений, привязанностей, служения, выбора и т. д.

Деятельность человека носит организованный характер, подчиняется определенным схемам, соответствующей технологии, регулируется правилами и оценками, нормами и идеалами. Здесь конечные (целевые) причины играют решающую роль. Ценностное сознание, постигая ценности бытия как духовную вертикаль, указывает человеку на цели, далеко выходящие за пределы индивидуального существования.

АРТИКУЛИРОВАННОЕ БЫТИЕ: К ВОПРОСУ О ТОПОЛОГИИ АПРИОРНЫХ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ФОРМ СУБЪЕКТА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ И. КАНТА

А. В. Шуталева

*кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии
и теории познания Департамента философии Института
социальных и политических наук Уральского федерального
университета имени первого Президента России*

Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Аналитика пространства, собственной структуры и упорядоченности, которое конституируется как пересечение и совмещение различных «мест», не может быть определено как очертание какой-либо вещи, поскольку, «определять», по И. Канту, означает, собственно,

«как видно из самого термина, давать первоначальное и подробное выражение понятия вещи в его границах»¹¹⁵. Но границы «всегда предполагают некоторое пространство, находящееся вне определенного места и заключающее его»¹¹⁶, что приводит к рассмотрению самого пространства субъекта как топологического, к вопросам о структуре пространства, контекст проявления которого связан с собиранием «мест», смысла, осуществление которого в видении мира человеком, возможного как понятательное место, где и откуда что-то видно¹¹⁷.

Видение является ни чем иным, как трансгрессией своего предела, экстагическим видением, что приводит к рассмотрению видения как феномена предела, по-граничного опыта, определяемого как опыт состояния становления, ибо данный опыт «имеет место» при условии, если видение рассматривается как определенная возможность быть-на-границе, на пределе. Восприятие не является чем-то само собой разумеющимся, оно требует усилия со стороны человека, поскольку должно случиться в качестве эмпирического события в мире и если что-либо нам о нем известно, то только исходя из собственной структуры этого «места». В этом «месте», в этой структуре сознания И. Кантом предполагается отстранение, он смотрит косвенным взглядом (М. К. Мамардашвили). Потому что дар косвенного взгляда позволяет субъекту каким-то образом увидеть как он в точке своего соприкосновения и взаимодействии с физическими силами может построить мир, поскольку он каждый раз должен иметь его приобретенным в опыте, ибо наблюдать – значит методически осуществлять опыт, но не изнутри взаимодействия, ибо только «вне», отстранившись, смотря на себя в точке взаимодействия с вещами, субъект получает возможность осознания того, что у него есть представления.

Пространство предстает как динамически становящееся совмещение со-бытий, ибо предполагает с самого начала нахождение взгляда наблюдателя не вне, а внутри Мира. Пространство, о котором говорит И. Кант, это пространство наблюдателя и наблюдатель-творец, который находится внутри мира, предельно активен – мир конструируется в силу динамической позиции, которую он способен занять, ибо тот, кто видит, обозревая каждую «отдельную» вещь «со всех сторон», придает ей смысл, ибо «пространство не есть что-то объективное и реальное, оно не субстанция, не акциденция, не отношение, оно субъективно и идеально: оно проистекает из природы ума по постоянному закону, словно схема для координации вообще всего воспринимаемого извне»¹¹⁸.

¹¹⁵ Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1998. С. 547.

¹¹⁶ Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Кант И. Со-чинения: в 6 тт. М.: Мысль, 1966. Т. 4(1). С. 175.

¹¹⁷ Мамардашвили М. К. Кантианские вариации. М.: АГРАФ, 1997. С. 59.

¹¹⁸ Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Кант И. Со-чинения: в 6 тт. М.: Мысль, 1964. Т. 2. С. 404–405.

Поэтому, с очевидностью следует, что пространство предстает как целое в силу композиционного суммирования различных точек наблюдения, в результате которого «активное пространство» наблюдателя (активное изнутри) присутствуют во всей полноте, но присутствует как знаки необычных смещений, сдвигов, изгибов, сокращений, – как знаки единой трансформации всего зрительного поля ландшафтного изображения, что стягивает в некоторую «точку» предельность напряжения и состояния полноты чувств со-бытие в мире.

Поверхность воспринимаемого – это не одномерная поверхность, поскольку в восприятии текут, пересекаются, исчезают и вновь появляются «текстуры», особенность «чтения» которых в переходах и сгибах ландшафтов и поверхности той реальности, которую сознание уже предзастает в мире, так как восприятие вещи пробуждает и внутреннюю активность человеческого познания, организующие, придающие связность и упорядоченность хаосу опыта с помощью чувств. Поэтому, существенным в отношении состояния представлений является то, что познание объединяет в себе и активность, где душа обнаруживает способность (*facultas*), и пассивность, где душа проявляется в восприимчивости (*receptivitas*). Возможность такого познания И. Кант называет познавательной способностью, принимая его от деятельности души, способной к соединению представлений и обособлению их¹¹⁹. И если природа разума толкает человека «постичь абсолютное целое всех условий, ему не остается ничего другого, как обратиться от предметов к самому себе и вместо последней границы вещей исследовать и определять последнюю границу своей собственной, предоставленной самой себе способности»¹²⁰.

Пространство и время для И. Канта – это пространственность и временность, определяющие мир субъекта, присутствующего как понимаемая материя этого мира. Поэтому, вопрос: что есть человек, – может быть поставлен как: какое место я занимаю в мире, – как событие в самом этом мире, которое должно иметь возможность быть в нем по законам, которые в качестве истинных могут быть выражены в содержании извлеченного опыта, что и приводит к утверждению об активности человека, об его осознанной активности как активности субъекта, ибо «единство природы во времени и пространстве и единство возможного для нас опыта есть одно и то же, так как природа есть совокупность одних лишь явлений (способов представления), которая может иметь свою объективную реальность исключительно в опыте; опыт же сам в качестве системы по эмпирическим законам должен быть возможен, если природу (как это и должно быть) мыслят

¹¹⁹ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения: в 6 тт. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 371–372.

¹²⁰ Кант И. Метафизические начала естествознания // Кант И. Сочинения: в 6 тт. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 176.

как систему»¹²¹. При этом, сама возможность постановки вопроса о том, что есть опыт, может рассматриваться только если имеет место некоторое взаимодействие, то есть развитие знания или состояния должно быть трансформацией не только в пространстве вещей, но, в первую очередь, в пространстве сознания.

Бытие мира включает в себя человека, но и человеческое бытие вбирает в себя бытие мира, поэтому, изменение как со-существование и последовательность действий сил во взаимодействии, ибо, даже «материя есть подвижное, поскольку оно, как таковое, может быть предметом опыта»¹²². рассматривается прежде всего в связи с местом души. И. Кант полагает место души везде, где человеческое тело, там, где человек предстает в качестве телесного субъекта, ибо если мыслить место напряжения линий опыта, место сознания изменения состояния иначе, то все целое опыта развалиться. Человек «занимает» место в мире, признавая, что вне существуют тела, вещи, о которых совершенно неизвестно то, какими они являются сами по себе, но о которых известно посредством представлений, которые формируются под их влиянием на чувственность, которая дает им название тел, которое, таким образом, есть определение неизвестного для субъекта, но, действительного предмета.

Здесь возникает один из вопросов онтологии я-для-себя, где для И. Канта важным является следующее различие: «я как мыслящее существо и я как чувственное существо представляю собой один и тот же субъект; но как объект внутреннего эмпирического созерцания, т. е. поскольку на меня внутренне воздействуют во времени ощущения (в одно и то же время или друг за другом), я все же познаю себя только так, как я сам себе являюсь, а не как вещь в себе»¹²³. Я предстает как Я-Другой, что делает возможным обращение к универсальному принципу порождения феномена субъективности, реальным который становится только в точках сопротивления, со-прикосновения с иным внутри ощущения собственного «тела», «месте» собирания активности субъекта в мире.

Фундаментальная возможность очерчивания местоположения субъекта необходимо предполагает существование разрыва, где самоидентичность может быть определена в «месте» возможности разрыва между мной и не-мной, как некоторая граница, которая для И. Канта содержит в себе основание пределов. Пространство, которое не является границей другого, – наполнено, И. Кант называет такое пространство «тело» и полагает границу тела как поверхность,

¹²¹ Кант И. Первое введение в критику способности суждения // Кант И. Сочинения: в 6 тт. М.: Мысль, 1966. Т. 5. С. 113.

¹²² Кант И. Метафизические начала естествознания // Кант И. Сочинения: в 6 тт. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 163.

¹²³ Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Сочинения: в 6 тт. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 373.

границу поверхности – линию, границу линии – точку¹²⁴. В пространстве присутствуют три вида границ, как и три измерения. При этом две границы (поверхность и линия) сами являются пространством. В связи с этим, со-бытие видения в точке предельного напряжения и состояния полноты чувств субъекта предстает как нарушение всех границ между телом и миром, текучесть переходов между ними, что является основной модальностью и характерной чертой нашего там в мире (М. К. Мамардашвили) присутствия.

Это там в мире присутствия отсылает к топологии бытия, где случившееся состояние следует «проходить», как «проходят» пространство, населяя его «местами». Однако, «проходить» – значит, быть слушающим, вслушиваться в расщепление слова, освобождающее его бытийный смысл, которое никогда не переходит в пустоту случайных разрывов, но действует как сгибание, и, следовательно, как возможность новой точки реализации состояния в качестве мысли, которая завершена, но не вытекает из предшествующей. Предшествующая мысль предшествует во времени, но не обеспечивает точную траекторию движения мысли. Она – со-бытие в определенном пространстве, собранном «месте», в некоторой плотности мира, где восприятие, которое включено в определение пространства И. Кантом, – это всегда восприятие измененного состояния, предполагающее сознание изменения состояния субъектом как носителем этих изменений. Поэтому, вполне возможным становится полагание неоднородности пространства, где множественность миров – это та возможность, которая получила начало и стала действительностью (как вся история вселенной, так и моя собственная жизнь) лишь с момента выбора: это мой мир, – каждый раз, вне зависимости от того, осуществился ли мир до этого момента, как если бы выбор открывал то «место», внутри которого помещался бы мир.

ВЕРА КАК ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН

Д. В. Котелевский

кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания Департамента философии Института социальных и политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России

Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

I

Очевидно, что вера составляет важнейшую часть человеческого бытия. Вместе с тем, несмотря на то, что в философии и в гуманитарном знании в целом существуют различные теории объясняющие

¹²⁴ Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Кант И. Сочинения: в 6 тт. М.: Мысль, 1965. Т. 2. С. 404.